

Евгений Новиков

Сердечному другу

*Часть сборника
У нас будет ребёнок! (сборник)*

Евгений Новиков
Сердечному другу

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Новиков Е. Б.

Сердечному другу / Е. Б. Новиков — «Эксмо», 2016

«Молодой человек, а это был не кто иной, как поручик Ржевский, спавший на кушетке, открыл глаза, потер их и протяжно протянул: «Фу-у-у!» Затем он пробормотал «надо ж такому присниться», сел и огляделся. По всей комнате была разбросана одежда: там сюртук, чуть поодаль порты, а на комодe – сапог, точно чучело некоего неведомого животного. Поручик повел глазом и заметил подле ножки кушетки алый дамский бант на серебристой щегольской прищепке...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Новиков Е. Б., 2016
© Эксмо, 2016

Евгений Новиков Сердечному другу

Молодой человек, а это был не кто иной, как поручик Ржевский, спавший на кушетке, открыл глаза, потер их и протяжно протянул: «Фу-у-у!» Затем он пробормотал «надо ж такому присниться», сел и огляделся. По всей комнате была разбросана одежда: там сюртук, чуть поодаль порты, а на комод – сапог, точно чучело некоего неведомого животного. Поручик повел глазом и заметил подле ножки кушетки алый дамский бант на серебристой щегольской прищепке.

Ржевский некоторое время о чем-то думал, глядя на бант, а затем потянулся и зычно крикнул:

– Тимофей!

За стеной раздался странный звук – как если бы лошадь припала со страху на колено.

– Тимофей! – еще раз крикнул он, вставая и набрасывая на плечи халат. – Ты отдал в починку подпругу?

В комнату вошел слуга в изношенном нанковом сюртуке. Одной рукой он поспешно обтирал губы и верхнюю часть бороды, в другой держал большой сосуд. Поставив его на пол, денщик опасливо отошел в сторонку.

– Так ты отдал подпругу в починку, я спрашиваю?! – спросил Ржевский со строгостью.

– Никак нет, не отдал.

– Почему ж не отдал, каналья?

Тимофей что-то забубнил в свое оправдание, но поручик махнул на него рукой:

– Хватит, хватит! У меня и без того голова идет кругом.

– Это у тебя, барин, после вчерашнего! – подсказал слуга. – Незачем было херес с мадеро мешать.

– А-а-а! – Ржевский поморщился. – Что уж теперь говорить... И снилось потом черт-те что после этого хересу! Будто сижу я на гауптвахте, скучаю, и вдруг мне подают некий альбом. Только я открыл его, как из страниц стали выскакивать голые девицы. Можешь ли ты, Тимофей, себе такое представить?

Тимофей ничего не ответил, только потупился, а Ржевский продолжил:

– Поначалу-то смотрю: ба – девицы-то все плоские, точно цветы, слежавшиеся между страницами. Но скоро, однако ж, стали понемножку объем обретать, кокетничать со мною, коньяку просить. А где ж взять коньяку на гауптвахте? А в карманах будто у меня полно крошек, ну я и принялся кормить этими крошками девиц, чтобы они хоть немного подросли. Ан нет, никак не растут! Так и мучился с ними, пока не проснулся! Вот напасть! Интересно, к чему мне такое приснилось?

С этими словами поручик, распахивая халат, направился к сосуду. Слуга попятился еще дальше, однако поручик вдруг глянул на стол и остановился.

На столе стояло несколько пустых бутылок из-под хересу, какие-то плоские и склянки, тут же лежали курительные трубки, а посередине всего этого, точно вельможа среди бедных просителей, красовался белый пакет.

– А что это там на столе? – спросил Ржевский.

– А что там? – тоже как будто удивился Тимофей. – Надо полагать – вчерашние ваши остатки.

– Я спрашиваю – что там посередине?

– Письмо.

– Письмо? Как оно тут оказалось? – с этими словами Ржевский решительно направился к столу.

Он взял письмо и, разглядывая конверт, на котором были изображены два голубка, держащие в клювах оливковую ветвь и надпись «Сердечному другу», задумчиво произнес:

– Вчера этого письма, кажись, не было.

– Вчера не было, – подтвердил слуга. – Его сегодня утром баба принесла, а я на стол положил.

– Баба? Какая еще баба?

– А пес ее знает какая. Пришла и велела вам, барин, передать.

– Что ж, молода, хороша?

– Какое там – старуха. Посыльная.

– От кого ж посыльная?

– Не сказалась.

Ржевский разорвал конверт и вытащил из него письмо, а также сложенный вдвое лист тонкого пергамента, где находился засушенный голубой цветок. Цветок вместе с пергаментом поручик бесцеремонно бросил на стол и принялся за чтение.

Поначалу он читал с той веселой бойкостью, с какой бобер подгрызает молодую осинку, затем лицо его сделалось как у важного начальника, которому по оплошности подали некое недостойное его внимания прошение, и наконец, ус его как бы сам собою вздыбился, и поручик воскликнул:

– Что за вздор? Просто глазам своим не верю! Она пишет, что понесла от меня ребенка!

– Ребенка? – спросил слуга. – Кто ж его понес?

– Откуда ж я знаю! Пишет, что любит меня, что понесла от меня ребенка, а кто она – поди догадайся!

– Оченно просто могла понести... При вашей-то хватке... Вот, к примеру, мадам... как бишь ее...

– При чем здесь моя хватка и какая-то бишь мадам?! – перебил его барин. – Конечно, любая может понести при известных обстоятельствах... Однако ж мне хотелось бы понять, кто именно такое пишет!

– Что ж она, понесла и не подписалась?

– «Я» в конце письма написала, и все! Вот! – Ржевский в сердцах ткнул пальцем в бумагу. – «Я» и больше ничего! Какая досада!

– Стало быть, вы ее хорошо знаете, коль она так по-свойски подписалась, – рассудительно сказал Тимофей.

– Мало ль кого я хорошо знаю! Я полгорода хорошо знаю. Все-таки надобно соображение иметь, чтоб писать вместо имени «я»! Поди тут теперь догадайся, кто это!

– Что ж она еще пишет?

– Да всякий вздор! – Ржевский вновь ткнул пальцем в бумагу. – Вот, например: «Я помню то мгновение, когда нам удалось соединить наши руки, и вы восторженно воскликнули: «О, это знак судьбы, говорящий о том, что мы будем вместе»... Хм... стал бы я восклицать такое... Соединились руки, и вот уже знак судьбы... Эдак во всем можно увидеть знак судьбы... Или же вот... «О нежный, бесконечно нежный друг мой, помните ли вы, как мы стояли над крутым берегом реки, как силились обнять с двух сторон могучую пинию, чтоб соединить на ней наши руки? Вы сказали тогда: «Ежели нам удастся дотянуться друг до друга, то мы уж вечно будем вместе»... Как это понимать? Совершенно не помню, чтоб я обнимал с какой-то барышней какую-то пинию и говорил подобные слова. И что это вообще такое – пиния?

– Это, стало быть, дерево.

– Хм... Зачем бы я стал обнимать дерево, когда предо мною была барышня?! Просто вздор!

– Эва как ловко у вас, барин, получилось – обнимали дерево, а понесла барышня, – с ехидством заметил Тимофей.

– Что усмехаешься? Можешь ли ты вообще такое представить, чтоб я обнимал какое-то дерево, хотя бы и из романтических побуждений, когда рядом находилась барышня?

– А что ж, с вами и такое запросто станется, – сказал Тимофей. – Помнится, вы объявили, что вы есть плющ, а не человек. Стало быть, и пинию могли обнимать.

– Когда это такое было, чтоб я представлялся плющом? – удивился поручик.

– Да в Твери.

– Ну, в Твери... Тоже мне – вспомнил... Когда-а-а это было! Мало ли кем я мог представляться там подшофе. Слушай-ка, Тимофей, а может, это письмо из Твери? Впрочем, нет, нет, нет! – Ржевский замахал руками. – В Твери я когда-а-а-а еще был! За это время дите успело бы не только родиться, но и порядочно уж подрасти. А в письме значится, что она только понесла, что дите еще даже не родилось... Она так и пишет: «Когда дите появится на свет, мне хотелось бы, чтоб оно было похоже на вас»... Хотелось бы, чтобы было похоже... Хм... От кого же все-таки это послание?

– А вы переберите-ка их в уме, дам-то своих, может, и сообразите?

Ржевский закатил глаза в потолок, после чего с интересом, точно там висели какие картины, принялся разглядывать стену, потом – другую, затем перевел взор на кушетку.

В эту минуту в прихожей задребезжал звонок.

Слуга побежал отворять, и через несколько секунд в комнату вошел гусарский прапорщик Клещев.

– А-а-а, это ты, – разочарованно сказал Ржевский.

– Ого, славно мы вчера кутнули! – оглядывая комнату, воскликнул вошедший.

– Да, кутнули хорошо, – буркнул хозяин.

– Однако, я смотрю, ты как будто не рад мне?

– Ну, как сказать... С одной стороны, я тебе рад. А с другой, признаться, – не очень: голова всякими мыслями занята.

Клещев стал похож на человека, который съел в гостях какой-нибудь кусок и вдруг случайно услышал, как за стенкой хозяин говорит брюзжащей хозяйке, что этого куска, съеденного гостем, совершенно не должно жалеть, что, дескать, кусок этот был никчемным и все равно предназначался дворовому псу.

– Ну, ежели твоя голова мыслями занята... – сказал Клещев, и лицо его стало цвета бутылки дымчатого стекла с красным бордо. – Ежели, поручик, мое появление вам, – он подчеркнул это «вам» – нежелательно, то я, разумеется, немедля уйду.

С этими словами прапорщик развернулся было, чтоб уйти, но Ржевский остановил его:

– Да что ты обидчив, как малое дите, Клещев?! Я тебе, конечно, рад, но тут, понимаешь, такое дело странное... приходила баба...

При слове «баба» Клещев встрепенулся.

– Да нет, я про другое. Представляешь, Клещев, какая-то баба, то есть посыльная, сегодня утром принесла письмо. А в письме этом говорится, что некая особа ожидает от меня дите! – воскликнул Ржевский.

– Дите?

– Дите.

– Это от кого ж у тебя оно будет? – удивился Клещев.

– Хм... Как-то странно это звучит... от кого у меня будет дите...

– Что ж тут странного?

– Да ведь это не у меня от дамы будет дите, а у дамы – от меня. Ты что же, разницы не видишь?

Клещев некоторое время задумчиво разглаживал усы, пытаясь сообразить – в чем, собственно, заключается эта разница, но, вероятно, так и не сообразив, спросил:

– От купчихи Межеумовой, что ли?

– Что ты, что ты! В своем ли ты уме! – возмутился Ржевский.

– А что ж, она, хоть и купчиха, а особа весьма ладная, – возразил прапорщик. – И вот еще что скажу – она, то есть Межеумова, не в пример другой твоей пассии... как бишь ее... тоже такая статная, румяная... Э-э-э... Тоже на «м» фамилия начинается...

– Москальцова, – подсказал Ржевский.

– Да, да, правильно – именно Москальцова. Так вот Москальцова, хоть и роду знатного, хоть и поет как соловей, однако ж бедна как церковная мышь. А Межеумова, если уж говорить положа руку на сердце, конечно, не так хороша, и роду низкого, зато... – тут прапорщик внезапно замолчал, увидев, как Ржевский распахивает халат, направляясь к стоящему на полу сосуду.

Ржевский глянул на Клещева, потом – на сосуд, потом опять на Клещева и со словами «пожалуй, опять обидишься» подхватил кувшин и поспешил в соседнюю комнату. Оттуда тотчас же раздались такие звуки, как будто бы там вдруг объявился некий ручей. Но не тот спокойный ручеек в сени дерев, слушая который дамы и романтические господа любят предаваться мирному созерцанию природы и медитации, а ручей бойкий, весенний, с таким задором струящий свои воды, что человек робкий, пожалуй, отошел бы от него куда подальше, а имеющий практический склад ума задумался бы: «А не построить ли тут какую запруду, не развести ли тут каких водоплавающих, чтоб пользу извлечь?»

Сквозь звуки «ручья» едва пробивался голос поручика. Остававшийся в комнате прапорщик приложил ладонь к уху и даже приоткрыл рот, чтоб расслышать, что говорит ему Ржевский, но расслышать получалось очень немного.

– Бу-бу-бу, – только и раздавалось за стеной.

– Что? – кричал Клещев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.